

Эволюция мер ответственности, применяемых при банкротстве к нарушителям имущественных прав кредиторов в России

Аннотация. Одной из задач современного законодательства в сфере несостоятельности юридических лиц становится обеспечение максимальной сбалансированности норм, регулирующих меры ответственности, применяемые к руководителям, участникам и иным контролирующим должника лицам. В связи с этим приобретает особый интерес историко-сравнительный метод изучения мер ответственности, применявшихся на протяжении истории развития отечественного правового регулирования несостоятельности, а также метод критической оценки, положенный в основу анализа современного российского законодательства. В статье проведен ретроспективный анализ формы и степени вины как элемента правонарушения, который традиционно выступал одним из критериев для избрания вида несостоятельности, а также для применяемых мер ответственности. Сравнительный анализ норм российского банкротного законодательства в исторической ретроспективе позволил поставить проблемные вопросы действующего законодательства и внести предложения, направленные на их разрешение. В настоящее время нормами действующего отечественного банкротного законодательства предусматривается равный объем ответственности как за недобросовестные (умышленные), так и за неразумные (неосторожные) действия контролирующих должника лиц. Нормативное закрепление мер ответственности, зависящих от формы вины, а именно от отдельной квалификации умышленных и неосторожных правонарушений, позволит в большей степени обеспечить принцип справедливости. В современном российском праве отождествляются понятия «несостоятельность» и «банкротство», что в ряде случаев создает правовую неопределенность. Поэтому предлагается законодательно разграничить указанные понятия, исключить из применения термин «объективное банкротство», а его смысловую нагрузку придать понятию «несостоятельность», нормативно установив его в качестве отдельной категории в действующем законодательстве.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); должник; контролирующее должника лицо; ответственность; вина; недобросовестность; неразумность; умысел; неосторожность; неплатежеспособность; недостаточность имущества.

Для цитирования: Арбекова А. В. Эволюция мер ответственности, применяемых при банкротстве к нарушителям имущественных прав кредиторов в России // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 5. — С. 84–97. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.084-097.

© Арбекова А. В., 2021

* Арбекова Анна Владимировна, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Россия, 117198
arbekova@mail.ru

The Evolution of Liability Measures Applied in Bankruptcy to Creditors' Property Rights Violators in Russia

Anna V. Arbekova, Postgraduate Student, Department of Civil and Labor Law, Peoples' Friendship University of Russia
ul. Miklukho-Maklaya, d. 6, Moscow, Russia, 117198
arbekova@mail.ru

Abstract. One of the tasks the modern law in the field of insolvency of legal entities pursues is to ensure the maximum balance of the rules governing the measures of liability applied to managers, participants and other entities controlling the debtor. In this regard, the author applies historical and comparative method of studying the measures of responsibility applied during the development of domestic legal regulation of insolvency and the critical assessment method that forms the basis for the analysis of the current Russian legislation. The paper carries out a retrospective analysis of the form and degree of fault as an element of the offense that traditionally acted as one of the criteria for choosing the type of insolvency, as well as for imposing the measures of responsibility. A comparative analysis of the norms of the Russian bankrupt legislation in historical retrospect allowed raising problematic issues of the current legislation and making proposals aimed at their resolution. Currently, the rules of the current domestic insolvency legislation provide an equal amount of responsibility for both bad faith (intentional) and unreasonable (careless) actions of entities controlling the debtor. The normative consolidation of measures of responsibility dependent on the form of fault, namely, the separate qualification of intentional and careless offenses, will secure coherent application of the principle of justice. Modern Russian law contains the concepts of "insolvency" and "bankruptcy", which in some cases creates legal uncertainty. Therefore, it is proposed to delineate these concepts by law, eliminate the term "objective bankruptcy" from the application, and shift its semantic burden to the concept of "insolvency". Thereby, a separate category of insolvency will be included in the current legislation.

Keywords: insolvency (bankruptcy); debtor; entity controlling the debtor; liability; fault; bad faith; unreasonableness; intent; carelessness; insolvency; inadequacy of property.

Cite as: Arbekova AV. Evolyutsiya mer otvetstvennosti, primenyaemykh pri bankrotstve k narushitelyam imushchestvennykh prav kreditorov v rossii [The Evolution of Liability Measures Applied in Bankruptcy to Creditors' Property Rights Violators in Russia]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(5):84-97. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.084-097 (In Russ., abstract in Eng.).

История возникновения и развития института несостоятельности в России берет начало с XI в., со времен Русской Правды, которая дошла до наших дней в большом количестве разнообразных рукописных списков — сборниках юридического характера, преимущественно в Кормчих книгах и летописях¹.

Русский историк Н. М. Карамзин, имея убеждение о низком социально-экономическом уровне Киевского государства, препятствующем самостоятельному нормотворчеству, полагал,

что в основе Русской Правды лежат немецкие или скандинавские правовые нормы², которые были использованы князем Ярославом Владимировичем (Мудрым) при составлении свода законодательства. Исследователи советского времени считали, что нормы Русской Правды являются сводом феодального права, в основе которых лежат княжеские постановления и судебные решения, а не правовые нормы других государств. Некоторые ученые полагали, что «Русская Правда III редакции только в Толстов-

¹ Русская Правда: происхождение, источники, ее значение : науч.-практ. пособие / С. В. Юшков ; под ред. О. И. Чистякова. М. : Зерцало-М, 2002. С. 9.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб. : в Медицинской типографии, 1816. Т. 2. С. 34.

ском, Воскресенском и Карамзинском является полной по составу статей»³. В статьях 68 и 69 Карамзинского списка имеются положения о персональной ответственности должника, о допустимости продажи в долговое рабство должника при наличии его вины, о возможности реструктуризации задолженности при условии отсутствия вины несостоятельного должника. Русская Правда устанавливает наличие и форму вины как один из критериев определения вида несостоятельности, влияющего на ответственность. В случае несчастной (случайной) несостоятельности, наступившей не по вине должника, а в результате обстоятельств непреодолимой силы, должнику предоставлялась возможность погасить задолженность в рассрочку. Однако это положение не применялось к купцу, который, например, потерял свое имущество в драке. Данные действия квалифицировались как неосторожное банкротство, при котором судьба должника находилась в руках кредиторов. Они были вправе либо согласиться на рассрочку получения суммы долга, либо реализовать имущество и продать несостоятельного купца в холопы. Продажа в холопы недобросовестного должника была закреплена статьей 55 Русской Правды в качестве безальтернативной ответственности при злостном банкротстве. Эта форма ответственности применялась в том случае, если купец, лишенный кредита своих горожан, намеренно умалчивая о своей неплатежеспособности, получил у приезжего купца товар для перепродажи и не расплатился за него. Таким образом, при несчастной (случайной) несостоятельности, вызванной обстоятельствами непреодолимой силы, должнику для погашения задолженности предоставлялась рассрочка; при неосторожном банкротстве рассрочка допускалась только по решению кредиторов; при злостном банкротстве, предполагающем умысел как форму вины, должник попадал в

холопы. Это указывает на стремление законодателя выявить причины несостоятельности и установить наличие и форму вины (умысел или неосторожность) должника в целях вынесения справедливого решения.

В отличие от Русской Правды, устанавливавшей несколько видов ответственности в зависимости от видов несостоятельности, Псковская судная грамота 1467 г. не содержала норм, прямо закрепляющих имущественные последствия за невозврат займа или невыплату причитающегося. Однако в ст. 113 предусматривалась выдача виновного обиженному в случае неуплаты одного рубля штрафа за нанесение побоев на суде своему противнику: «...ударивший на суде кого-либо из тяжущихся платит потерпевшему один рубль, а при несостоятельности выдается головой потерпевшему и подвергается должному взысканию в княжескую казну»⁴. Таким образом, можно допустить, что должник, который был не в состоянии расплатиться с кредитором, в том числе во исполнение судебного решения, также «выдавался головой» для отработки своего долга. Псковская судная грамота допускала разрешение имущественного спора не только в исковом производстве, но и на поединке, а также предусматривала возможность мирового соглашения. Статья 38 Псковской судной грамоты 1467 г. содержит освобождение несостоятельного должника от судебного штрафа в княжескую казну: «Если кто на поединке одолевает (“поможет”) своего противника, то он получает то, против чего вел иск, но не может брать денег (с родственников) за выкуп трупа убитого, а может снять с него доспехи или другую одежду, в какой он был на поединке, и виноватый должен платить денежное взыскание в пользу князя и денежное вознаграждение приставам, на каждого пристава; если состоялся поединок, по 6 денег, если же состоится примирение, то приставам по 3 деньги; в пользу князя взыска-

³ Юшков С. В. Указ. соч. С. 121.

⁴ Василев И. И. Псковская судная грамота (1397–1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста. Псков : Типография губернского правления, 1896. С. 39 ; Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота : историко-юридич. исследование. М. : Изд-во МГУ, 1951. С. 208.

ние не делается, если обвиненный окажется несостоятельным»⁵. В статье 94 Псковской судной грамоты 1467 г. предусматривалась солидарная ответственность уклоняющихся от выплаты должника и его поручителя, проявляющаяся в виде взыскания убытков, судебных расходов и расходов по исполнительному производству. Эта норма гласила: «Если должник или сельский наемник, упомянутый в записи, скроется и не явится в срок к заимодавцу, то виновные должны платить происшедшие от того убытки: приставную пошлину, пеню за нарушение условий или железную пошлину»⁶. Под железной пошлиной понималась пошлина за наложение кандалов. Прямым продолжением Псковской судной грамоты 1467 г. является Судебник 1497 г., написанный под ее явным влиянием. В статье 10 Судебника встречается формулировка «торговая казнь», которая подразумевала продажу в холопство. Статья 55 «О займах» устанавливает ответственность торговца, который в силу обстоятельств не смог расплатиться за товар: «Купец, идучи в торговлю, возьмет у кого деньги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонет или згорить, или рать возьмет, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печатюю, платити исцову истину без росту. А у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напраздненьства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу»⁷. Таким образом, утрата товара в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы не освобождала должника от обязанности вернуть кредитору полученные в долг денежные средства или товар, однако должник освобождался от ответственности и уплаты процентов до момента возврата долга. Такие преференции

закреплялись в предоставленной великокняжеской полетной грамоте.

Мера ответственности несостоятельного купца за неразумные действия предполагала выдачу истцу «головой на продажу» (то есть в холопство). Примечательно, что такой вид ответственности, как выдача «головой на продажу», именовался также торговой казнью. Торговая казнь применялась не только по отношению к торговцам, но и к ответчикам по некоторым уголовным делам, таким как воровство, не отягощенное убийством или разбоем. Так, в ст. 10 «О ворах» Судебника 1497 г. предусмотрена торговая казнь для воров, впервые совершивших кражу, за исключением кражи церковного имущества или кражи, сопровождавшейся убийством. С вора взыскивались убытки, понесенные истцом. При отсутствии у виновного имущества для возмещения убытков он подвергался битью кнутом и выдавался истцу в холопство до уплаты или отработки убытков. Таким образом, торговая казнь как мера ответственности ставила торговца, повинного в своей неплатежеспособности, в один ряд с ворами.

Судебник Ивана IV 1550 г. уточняет ряд положений Судебника 1497 г.⁸, в том числе расширяет применение «торговой казни» как вида ответственности за торговую несостоятельность, явившуюся следствием недобросовестности купца. Статья 90 Судебника 1550 г., за небольшим исключением, повторяет положения ст. 55 Судебника 1497 г. в отношении освобождения от ответственности и уплаты процентов добросовестного купца, взявшего у кого-либо деньги для торговли или товар для перепродажи и утратившего это имущество ввиду пожара, погрома или разбойного нападения. Вместе с тем в положениях ст. 90 Судебника 1550 г. были уточнены условия действия полетной грамоты, пред-

⁵ Василев И. И. Указ. соч. С. 14.

⁶ Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской судной грамоты 1467 года. СПб. : Типография Аполлона Фридрихсона, 1855. С. 137.

⁷ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 2005.

⁸ Томсинов В. А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права : сборник научных трудов ; под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2009. С. 259–287.

ставлявшей собой мораторий на требования кредиторов до момента задержания преступников⁹. При задержании преступников полетная грамота утрачивала силу, поскольку предполагалось, что утраченное купцом имущество могло быть возвращено из имущества преступников.

Закрепленные в Соборном уложении Алексея Михайловича 1649 г. меры ответственности за несостоятельность традиционно зависели от формы вины и типа субъектов ответственности¹⁰. Наличие обстоятельств непреодолимой силы не освобождало должника от обязанности возврата суммы долга, но являлось основанием для предоставления послаблений. Статья 203 гл. X Соборного уложения 1649 г. устанавливала, что должнику, «впавшему в убожество» из-за пожара, потопа, разбойного нападения, грабежа, могла быть предоставлена трехлетняя беспроцентная рассрочка на возврат долга при условии предоставления обеспечения (поручительства). Согласно ст. 204 гл. X Соборного уложения 1649 г. в случае отсутствия поручителей должника (кроме дворян и боярских детей) отдавались истцам в холопство «до искупу». В соответствии со ст. 206 гл. X Соборного уложения 1649 г. аналогичная мера, предусматривающая отдачу в холопство, применялась к неразумным, небрежным должникам, которые заемные средства «...истеряли своим безумием, пропили...», а также к тем, кто умышленно присвоил заемные средства и уклоняется от их возврата.

В XVIII в. в России были проведены реформы законодательства в сфере коммерческой несостоятельности. В Уставе вексельном 1729 г.¹¹ впервые используется понятие банкротство и указываются его признаки, такие как: нарушение сроков оплаты, отсутствие имущества, стремление должника скрыться от кредиторов¹².

Согласно ст. 20 Устава вексельного банкротом считалось лицо, выдавшее вексель, «впавшее в неисправу и убожество» и вследствие этого неспособное принять вексель и расплатиться по нему, а также заявившее отказ от требования векселедержателя о выдаче обеспечения (порук). Банкрот отлучался от биржи. Коммерсанты прекращали ведение всяких дел с таким лицом. Делопроизводство по банкротным делам вела коммерц-коллегия, а Сенат участвовал как надзорный орган. Решения выносились на основе ранее создаваемых прецедентов. Возросшее число банкротных дел, а также многообразие причин и обстоятельств обусловили принятие 15 декабря 1740 г. Банкротского устава. Положения Устава обладали обратной силой и применялись к отношениям, возникшим до его вступления в силу. Нормы Устава распространялись только на лиц, ведущих предпринимательскую деятельность, и устанавливали два вида несостоятельности: несчастную и злостную. В качестве ответственности при злостном банкротстве допускалась смертная казнь. В правоприменительной практике этот устав не получил распространения. Гораздо чаще использовались обычаи делового оборота, нормы иностранного права. Это обусловило издание Сенатом указа от 13 августа 1784 г., обязывающего спорные вопросы, связанные с банкротством, решать большинством голосов на общем собрании кредиторов.

Изданный 19 декабря 1800 г. Устав о банкротах¹³ устанавливал две разные процедуры. Одна процедура регулировалась частью первой Устава, применявшейся при купеческой несостоятельности, и была связана с торговой деятельностью. Другая процедура регулировала несостоятельность дворян и не была связана с

⁹ Судебник 1550 года : пер. В. Б. Цыганова // URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁰ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961.

¹¹ Устав вексельный от 16 мая 1729 г. // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/55006736/> (дата обращения: 28.04.2020).

¹² Федоров А. Ф. История векселя : историко-юридическое исследование. Одесса : Типография Штаба Одесского военного округа, 1895. С. 75.

¹³ Устав о банкротах 1800 г. // URL: <https://scibook.net/gosudarstva-prava-istoriya/dekabrya-ustav-bankrotah-53403.html> (дата обращения: 28.04.2020).

предпринимательством. Согласно § 1 ч. 1 Устава банкротом являлся тот, «кто не может сполна заплатить своих долгов». Среди оснований признания банкротом были заявление должника о невозможности уплаты налогов, уклонение должника от явки в суд по заявленному к нему требованию, а также неисполнение судебных решений в течение месяца. Уставом предусматривалось три вида банкротства, в зависимости от наличия или отсутствия вины должника и ее формы: 1) банкротство от несчастия, 2) от небрежения и собственных пороков, 3) от подлога. Положения Устава о банкротах 1800 г. разграничивали уголовное наказание и гражданско-правовую ответственность должника. Применяемая к банкроту мера ответственности зависела от причин банкротства, формы вины вследствие выявления неосторожных или злонамеренных действий (бездействия) и, соответственно, от вида банкротства. Об этом свидетельствует § 129 ч. 1, который устанавливал, что «банкрота не должно разуместь бесчестным человеком, ибо честность и бесчестие не в звании банкрота состоят, но единственно в поступках, которые привели человека в банкротство». К должникам применялись меры пресечения, направленные на предотвращение побега. Должник подлежал аресту до проведения конкурсного производства. Освобождение разорившегося купца допускалось в случае предоставления им доказательств своей добросовестности, отсутствия злого умысла и объективной непричастности к утрате платежеспособности. Нормы Устава допускали проведение реструктуризации долгов и заключение мирового соглашения между взыскателями и должником. В целях восстановления имущественного положения суд мог предоставить должнику отсрочку по уплате задолженности. Если банкротство должника наступило в результате несчастного случая, не зависящего от воли должника (наводнения, пожара), то все предъявленные к нему требования аннулировались и должник освобождался от ответственности. Если должник разорился в результате собственной небрежности по управ-

лению капиталом и неосмотрительности при совершении рискованных сделок, то он обязан был полностью погасить свои долги перед кредиторами. Злостный банкрот, стремящийся скрыть от кредиторов свое имущество, совершающий подлог или фиктивные сделки, также был обязан полностью рассчитаться с взыскателями.

По мере формирования правоприменительной практики назрела необходимость реформирования банкротного законодательства, и 25 июня 1832 г. был издан Устав о торговой несостоятельности¹⁴, регулировавший только несостоятельность купцов и мещан и расценивавший банкротство как публичное воровство. Дела о несостоятельности дворян были крайне редкими и рассматривались губернским правлением. Новый Устав сохранил прежнюю процедуру, но имел существенное дополнение, касающееся ответственности: он допускал двухлетнюю продолжительность ареста должника и пожизненный запрет на коммерческую деятельность. Период взыскания задолженности мог длиться на протяжении всей жизни должника. При установлении факта умышленного банкротства помимо ареста и реализации имущества в отношении несостоятельного коммерсанта возбуждалось уголовное дело.

Устав о торговой несостоятельности 1832 г. действовал до революции 1917 г. В разные периоды в него вносились дополнения. Одни из внесенных дополнений касались установления опровержимой презумпции вины должника в том, что банкротство наступило в результате его действий. Таким образом, если, согласно положениям Устава о банкротах 1800 г., банкрот не следовало считать бесчестным человеком до установления причин банкротства, то, согласно положениям Устава о торговой несостоятельности 1832 г., вина предпринимателя в доведении до банкротства презюмировалась. Поэтому термин «банкротство», применявшийся исключительно к коммерсантам, уже приобрел некоторую негативную окраску. (Примечательно, что согласно современному российскому законодательству вина руководи-

¹⁴ Устав о торговой несостоятельности, высочайше утвержденный 25 июня 1832 г. // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004873290#?page=1> (дата обращения: 26.06.2020).

теля и контролирующего лица также презюмируется¹⁵.) В соответствии с Уставом о торговой несостоятельности 1832 г. законодатель разграничил термины несостоятельности и банкротства. Несостоятельность могла быть торговой и неторговой. Банкротство, выступая одним из видов несостоятельности, являлось более узким понятием, которое применялось только к торговой несостоятельности и только при наличии вины разорившегося торговца. Под торговой несостоятельностью понималось прекращение купцом платежей на сумму свыше 1 500 руб. вследствие неоплатности его долгов; данный термин применялся только к лицам торгового сословия: купцам и промышленникам¹⁶. В зависимости от наличия и формы вины должника, несостоятельность, в том числе и банкротство, делилась на злостную и простую (неосторожную), и исходя из этого судом избиралась мера ответственности. Составы правонарушений, позволяющие квалифицировать вид банкротства, а также меры как уголовной, так и гражданской ответственности определялись Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 и 1885 гг.), Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. и Уголовным уложением 1903 г. Статьи 1163–1168 Уложения о наказаниях раскрывали понятия злостной и простой несостоятельности, а также их квалификационные признаки, в том числе для целей применения гражданско-правовой ответственности. В соответствии с пунктом 1 ст. 1163 Уложения о наказаниях под злостным банкротством подразумевался подлог должника во вред своим кредиторам, который проявлялся через намеренное сокрытие или перепродажу должником собственного имущества, отягощение конкурсной массы подставными займодавцами, чтобы получить имущественную выгоду и уклониться от выплаты

долгов кредиторам. Это выражалось также в платежах по вымышленным долгам в преддверии банкротства¹⁷. В судебной практике и российской научной доктрине той эпохи такие действия назывались выдачей «бронзовых», «дутых», «приятельских» или «дружеских» векселей. Профессором Императорского Новороссийского университета А. Ф. Федоровым в историко-юридическом исследовании «История векселя» указывалось, что данные векселя содержат подлинные подписи сторон, но за их выдачей не стоят реальные сделки, и выдаются они не для реального взыскания с должника, а только с целью создания «дружеской кредиторской задолженности» путем предъявления в конкурс таких векселей одновременно с векселями, представленными настоящими кредиторами. Таким образом, должником скрыто приобретался контроль над процедурой несостоятельности, что выражалось в возможности голосования «дружественного» кредитора по ряду существенных вопросов на общем собрании кредиторов. Увеличивались также совокупные требования кредиторов, уменьшались размеры возможных причитающихся выплат реальным взыскателям из имущества должника, так как большая часть активов предполагалась к удовлетворению требований по фиктивным векселям и впоследствии по договоренности возвращалась должнику. А. Ф. Федоров более 100 лет назад очень точно заметил, что «выдача и предъявление таких векселей подходит, конечно, под понятие мошенничества, но доказать злой умысел на данной почве подчас бывает трудным. Лишь в торговой среде можно по книгам видеть, насколько выдача векселей вызывалась необходимостью и имела реальную подкладку; но раз дело доходит до выдачи дутых векселей, то и в этой среде их выдача обставляется такими аксессуарами, что

¹⁵ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. П. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Абз. 1 п. 10 ст. 61.11 // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹⁶ Белявский Л. А., Рубиновский А. Л. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в толковании юристов. СПб., 1902. С. 189.

¹⁷ Белявский Л. А., Рубиновский А. Л. Указ. соч. С. 190.

разобраться в них бывает нередко также очень затруднительным»¹⁸.

Следует отметить, что факт неведения торговых книг (бухгалтерской документации) или их сокрытия был достаточным основанием для объявления должника злостным банкротом в процедуре конкурсного производства. Вследствие этого к злостному должнику, помимо норм о гражданско-правовой имущественной ответственности, применялись меры уголовного преследования. Согласно Уложению о наказаниях, торговцы за совершение злостного банкротства подлежали ссылке в Сибирь на поселение и лишались всех прав состояния. (В действующем Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁹ презюмируется, что именно вследствие отсутствия, искажения или непередачи арбитражному управляющему бухгалтерской и иной документации несостоятельной компании наступила невозможность погашения требований кредиторов и, как следствие, банкротство компании (пп. 2 п. 2 ст. 61.11). Тем не менее согласно абз. 1 п. 11 ст. 61.11 данного Закона это само по себе не образует состав уголовного преступления, а влечет гражданско-правовую (личную имущественную) ответственность руководителя и лиц, ответственных за такое нарушение, в размере, равном совокупному объему требований кредиторов, которые остались непогашенными ввиду недостаточности конкурсной массы.)

Уложением о наказаниях устанавливались требования к составу правонарушения, позволяющие квалифицировать банкротство как неосторожное, которое называлось также простой несостоятельностью или простым банкротством. Согласно пункту 1 ст. 1165 Уложения о наказаниях под неосторожной несостоятельностью понималась неплатежеспособность должника вследствие небрежного или легкомысленного ведения имущественных дел, расточительных и слишком рискованных операций. Форма вины несостоятельного должника сводилась

не к умыслу, а к неосторожности и преступной небрежности, выразившейся в несоблюдении базовых требований, обязательных для каждого добросовестного хозяина, что создало опасность имущественным интересам кредиторов, которые предоставили должнику капиталы в расчете на правильное ведение дел.

Причины простого банкротства были разнообразны. Например, мотовство, под которым понимались чрезмерные траты на собственное содержание или содержание семьи либо торгового предприятия. Примечательно, что мотивы издержек, их нравственный или безнравственный характер для суда не имели правового значения: будь это благотворительность или болезненная тяга к игре. В качестве другой причины простого банкротства могло быть несоблюдение базовых мер предосторожности, таких как охрана имущества или страхование груза, легкомысленная доверчивость. Уложение о наказаниях не содержало перечня признаков простого банкротства. Для квалификации деяния по ст. 1165 Уложения о наказаниях приходилось опираться на судебную практику. Выделялись следующие свойства простого банкротства: создание и начало работы компании без собственных средств или в долг; выход на большие обороты компании в кредит без собственного капитала; неосмотрительность должника; рискованность сделок; неопытность в торговом деле; уплата значительных процентов на заемный капитал, означющее легкомысленное ведение дел; привлечение кредитных средств незадолго до банкротства, что указывает на неосмотрительность; принятие наследства, обремененного долгами наследодателя. Неосторожная несостоятельность каралась лишением права на торговлю и тюремным заключением на срок от восьми месяцев до года и четырех месяцев, что зависело от усмотрения кредиторов и могло быть применено только к должнику, ранее взятому под стражу и не освобожденному из-под нее. При этом согласно ст. 1166 Уложения о нака-

¹⁸ Федоров А. Ф. Вексельное право. С приложением высочайше утвержденного 27 мая 1902 года Устава о векселях. Одесса, 1906. С. 284.

¹⁹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

заниях взятие под стражу не применялось при неторговой несостоятельности, равно как лица, не являющиеся коммерсантами, не обязаны были вести торговые книги. Из этого можно сделать вывод, что, независимо от суммы долга, к разным категориям банкротящихся субъектов применялись разные меры ответственности, основания ответственности и стандарты доказывания по ним.

Таким образом, в Российской империи была сформирована структура норм, регулирующих банкротство, образовавшая конкурсное право, для которого было характерно: 1) нетождественность понятий несостоятельности и банкротства; 2) определение наличия или отсутствия вины (и ее формы) субъекта правонарушения в качестве критериев для избрания вида несостоятельности, а также для применяемых мер ответственности.

В результате социалистической революции в 1917 г. была отменена частная собственность, поэтому отпала необходимость в регулировании процедуры банкротства, российское конкурсное право прекратило свое существование на долгие десятилетия. В период провозглашения Новой экономической политики (нэп) с появлением частных торговых и промышленных предприятий вновь возникла необходимость в законодательной регламентации процесса несостоятельности, для чего временно использовались положения Устава о торговой несостоятельности 1832 г. Ряд норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.²⁰ предусматривал возможность объявления юридических лиц несостоятельными по суду, но в Кодексе отсутствовали и само понятие несостоятельности, и механизм применения такого понятия. Этот пробел в какой-то степени был восполнен постановлением Всероссийского центрального исполнительного

комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 28.11.1927²¹, согласно которому Гражданский процессуальный кодекс РСФСР был дополнен главой «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических». Однако в результате провала государственных хлебозаготовок в 1927 г. началось сворачивание нэпа; программа была прекращена 11 октября 1931 г. изданием постановления о полном запрете частной торговли в СССР. Проведение программы плановой экономики фактически исключило институт банкротства из советского права. Государственная монополия в главных отраслях народного хозяйства нивелировала саму суть модели банкротства. Государство, как собственник неплатежеспособной организации, индивидуально подходило к каждому конкретному случаю фактической неплатежеспособности и объективной несостоятельности.

Переход Советского Союза к рыночной экономике в начале 1990-х гг. дал импульс к восстановлению законодательного регулирования вопросов несостоятельности, которые первоначально регулировались на уровне Указа Президента России, описывающего правила банкротства²². 19 ноября 1992 г. был принят Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»²³, который применялся исключительно к юридическим лицам. Несмотря на закрепление признаков, позволяющих квалифицировать те или иные действия должника или его собственников как неправомерные, в Законе не был регламентирован порядок привлечения к личной имущественной ответственности лиц, совершивших указанные неправомерные действия. Статья 48 Закона № 3929-1 содержала общую формулировку об ответственности, отсылающую к положениям действующего законодательства. В 1992 г. зна-

²⁰ URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=45137> (дата обращения: 27.06.2020).

²¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.11.1927 «О дополнении Гражданского процессуального кодекса РСФСР главой 37» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20939#044831420808699574> (дата обращения: 26.04.2019).

²² Указ Президента России от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.

²³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

чительная часть российских предприятий формально подпадала под критерии несостоятельности, что с учетом неработающего механизма восстановления нарушенных прав кредиторов и взыскания убытков препятствовало нормальному развитию предпринимательства.

8 января 1998 г. был издан Федеральный закон № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²⁴, более отвечающий потребностям развивающихся в стране экономических отношений. Статьей 9 этого Закона была установлена субсидиарная ответственность руководителя должника и членов ликвидационной комиссии за неисполнение обязанности по подаче заявления в арбитражный суд о признании должника банкротом в течение месяца с момента возникновения обстоятельств, свидетельствующих об объективном банкротстве. Согласно ст. 10 этого Закона была предусмотрена возможность привлечения к субсидиарной ответственности учредителей (участников) банкротящегося предприятия и иных руководящих лиц за их виновные действия, повлекшие несостоятельность компании. Привлечение этих лиц к ответственности зависело от установления их вины, преднамеренного и (или) фиктивного характера банкротства и допускалось в случае недостаточности имущества юридического лица для покрытия требований кредиторов.

Результатом последующего нормотворчества в сфере правового регулирования несостоятельности в России стал Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²⁵, действующий в настоящее время с учетом периодически вносимых изменений и дополнений и динамично меняющейся правоприменительной практики. Руководители и контролирующие бизнес лица несут ответственность за бизнес-решения, повлекшие невозможность удовлетворения требований кредиторов в полном объеме. В соответствии с гл. III.2 назван-

ного Закона привлечение к гражданско-правовой (личной имущественной) ответственности осуществляется либо через механизм взыскания убытков (п. 3 ст. 53 и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), либо через механизм привлечения к субсидиарной ответственности (п. 2, 4 ст. 61.11, п. 2 ст. 61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»)²⁶.

При сравнении современного законодательства, регулирующего отношения в сфере банкротства, с исторически выработанными подходами отечественной цивилистики прошлого установлено, что в настоящее время ни форма вины, ни степень вины не влияют на квалификацию правонарушения или применяемые меры ответственности. В современном банкротном законодательстве отсутствуют нормы, содержащие критерии для разделения понятий «недобросовестность» и «неразумность», отчего происходит сращивание указанных понятий. Из этого следует отсутствие разделительной черты между умысленностью (недобросовестностью) действий и неосторожностью (неразумностью). А демаркационная линия, установленная в разъяснительном порядке в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», хотя и позволяет прицельно квалифицировать правонарушения, но, как правило, игнорируется нижестоящими судами и не оказывает практического влияния на применяемые меры ответственности и их объем, поскольку ответственность наступает за наличие вины, форма выражения которой не интересует законодателя.

Таким образом, применяемая мера гражданско-правовой ответственности за невозможность удовлетворения требований кредиторов, например в случае отсутствия объяснений руководителя о причинах непередачи документов

²⁴ СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 222.

²⁵ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». П. 12, абз. 1 п. 17, абз. 1 п. 19, абз. 12 п. 24, п. 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

арбитражному управляющему²⁷ или умышленного искажения или уничтожения документации²⁸, не отличается от меры, применяемой в случае неосмотрительного поведения руководителя, связанного с бездействием или недостаточными мерами в отношении идентификации документов, сгоревших при пожаре²⁹ или изъятых правоохранительными органами³⁰. Это представляется несправедливым.

В отличие от положений конкурсного права, действовавшего до революции 1917 г., современные правовые нормы, регулирующие отношения в сфере банкротства, проводят знак равенства между терминами «несостоятельность» и «банкротство». В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Одним из существенных элементов несостоятельности (банкротства) выступает факт его признания судом. Вместе с тем неспособность юридического лица удовлетворить требования кредиторов, работников и публичных образований, если соответствующие обязательства и обязанности не исполнены в течение трех месяцев с даты наступления срока исполнения, является признаком банкротства

(п. 2 ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Таким образом, речь идет о состоянии юридического лица.

В современной научной литературе уделяется пристальное внимание вопросу соотношения указанных понятий. Например, О. М. Свириденко разделил значение данных понятий, исходя из процессуального значения. Он обратил внимание на следующее обстоятельство: на момент подачи заявления о признании юридического лица несостоятельным (банкротом) оно является неплатежеспособным и формально удовлетворяет критериям несостоятельности, однако в процедуре наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления может восстановить свою платежеспособность. «В то же время банкротство — это степень несостоятельности должника, подтвержденная судебным актом (решением) о введении процедуры конкурсного производства, при которой восстановление способности по полному удовлетворению требований кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнению обязанностей по уплате обязательных платежей становится объективно невозможным»³¹. Таким образом, на момент, когда у юридического лица возникает обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, оно формально не является несостоятельным (банкротом), из чего О. М. Свириденко сделал вывод, что банкротство является степенью несостоятельности, процессуально подтвержденной судебным актом. Развивая мысли О. М. Свириденко, мы пришли

²⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.03.2018 № Ф05-2457/2018 по делу № А40-176780/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/36bfe486-c8fd-4668-80c0-6e9c88a27a31> (дата обращения: 26.06.2020).

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.11.2017 № Ф05-18882/2016 по делу № А40-177128/2014 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f596e7e9-871c-45b5-abe6-1551df11bc6a> (дата обращения: 26.06.2020).

²⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.09.2018 № Ф05-13603/2018 по делу № А41-66193/2016 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/76d0b7b5-cc3d-4a59-a5ac-dc77c03d9743> (дата обращения: 26.06.2020).

³⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.11.2017 № Ф05-11715/2015 по делу № А40-143034/2012 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/80ef1bb4-fdf2-4df4-9f46-38a6a7ff95e2> (дата обращения: 26.06.2020).

³¹ Свириденко О. М. Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 42.

к выводу, что несостоятельность — это объективное финансово-имущественное положение должника, при котором возникает обязанность обратиться в суд с заявлением о признании его банкротом. К числу оснований для обращения в суд Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» относит состояние, при котором должник отвечает признакам неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества (ст. 2), а также иные состояния должника, перечень которых является открытым (ст. 9). Верховный Суд РФ в целях придания правовой определенности таким состояниям должника для применения норм законодательства ввел понятие объективного банкротства, подразумевая под ним состояние, при котором «должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов»³². Именно вследствие состояния объективного банкротства (подчас скрываемого юридическим лицом) наступает состояние неплатежеспособности и недостаточности имущества для выполнения обязательств и обязанностей перед кредиторами, работниками и публичными образованиями. Таким образом, понятие объективного банкротства вмещает в себя весь перечень ситуаций, характеризующих финансово-имущественное положение юридического лица, которые являются и могут являться основанием для обращения в суд с заявлением о признании банкротом, исходя из смысла ст. 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: и неплатежеспособность, и недостаточность имущества, и наличие непогашенной задолженности перед работниками, и невозможность вести хозяйственную деятельность вследствие обращения взыскания на имущество, и другие состояния. Иначе говоря, сначала возникает объективное банкротство, предполагающее обязанность обратиться в суд с заявлением, а затем возникает формальное банкротство, подтвержденное судебным актом.

Исходя из вышеизложенного, с точки зрения автора целесообразно:

- разделить понятия «несостоятельность» и «банкротство»;
- исключить из применения термин «объективное банкротство», введенный постановлением Пленума Верховного Суда РФ;
- смысловую нагрузку термина «объективное банкротство» придать понятию «несостоятельность», включив его как отдельную категорию в положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

В ходе проведенного исследования установлено следующее:

1. Поскольку действующими нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» установление объема применяемых к контролирующим лицам мер имущественной ответственности не ставится в зависимость от формы вины, а именно от умышленных (недобросовестных) и неосторожных (неразумных) действий, это не позволяет соблюсти принцип справедливости. Нормативное установление мер ответственности, поставленное в зависимость от отдельной квалификации умышленных и неосторожных правонарушений, в комплексе с нормативно установленными критериями недобросовестного и неразумного поведения, на наш взгляд, будут способствовать большей сбалансированности норм, регулирующих вопросы ответственности руководителей, участников и иных контролирующих должника лиц.

2. В силу исторической традиции понятия «несостоятельность» и «банкротство» различались по принципу «общее-частное» в законоположениях российского конкурсного права на начало XX в. В современном российском праве, регулирующем отношения в рассматриваемой сфере, данные понятия тождественны, хотя состояние объективного банкротства, подразумевающее степень несостоятельности юридического лица, при котором оно обязано обратиться в суд с заявлением о признании его банкротом, еще не означает, что должник будет признан банкротом, поскольку его пла-

³² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». П. 4.

тежеспособность может восстановиться в ходе применения оздоровительных процедур. На наш взгляд, целесообразно в законодательстве о банкротстве разделить термины «несостоятельность» и «банкротство», придав термину

«банкротство» значение завершающей стадии несостоятельности, поскольку только банкротство, подтверждаемое судебным актом, характеризуется невозможностью восстановления платежеспособности должника.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Беляевский Л. А., Рубиновский А. Л.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в толковании юристов. — СПб., 1902. — 408 с.
2. *Василев И. И.* Псковская судная грамота (1397–1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста / сост.: И. И. Василев и Н. В. Кирпичников. — Псков : Типография губернского правления, 1896. — 76 с.
3. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. — СПб. : Медицинская типография, 1816. — 526 с.
4. *Мартысевич И. Д.* Псковская судная грамота: историко-юридич. исследование. — М. : Изд-во МГУ, 1951. — 208 с.
5. *Свириденко О. М.* Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права // Журнал российского права. — 2011. — № 1. — С. 39–46.
6. *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. — М. : Проспект, 2005. — 463 с.
7. *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 года. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 444 с.
8. *Томсинов В. А.* Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права : сборник научных трудов / под ред. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало-М, 2009. — 287 с.
9. *Устрялов Ф. Н.* Исследование Псковской судной грамоты 1467 года. — СПб. : Типография Аполлона Фридрихсона, 1855. — 192 с.
10. *Федоров А. Ф.* Вексельное право. С приложением высочайше утвержденного 27 мая 1902 года Устава о векселях. — Одесса, 1906. — 721 с.
11. *Федоров А. Ф.* История векселя: историко-юридическое исследование. — Одесса : Типография Штаба Одесского военного округа, 1895. — 107 с.
12. *Юшков С. В.* Русская Правда: происхождение, источники, ее значение : науч.-практ. пособие. — М. : Зерцало-М, 2002. — 378 с.

Материал поступил в редакцию 6 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belyavskij L. A., Rubinovskij A. L. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh v tolkovanii yuristov. — SPb., 1902. — 408 s.
2. Vasilev I. I. Pskovskaya sudnaya gramota (1397–1467). Podlinnaya i v perevode na sovremennyy yazyk s primechaniyami po ustanovleniyu perevodnogo teksta / sost.: I. I. Vasilev i N. V. Kirpichnikov. — Pskov : Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1896. — 76 s.
3. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. — SPb. : Medicinskaya tipografiya, 1816. — 526 s.
4. Martysevich I. D. Pskovskaya sudnaya gramota: istoriko-yuridich. issledovanie. — M. : Izd-vo MGU, 1951. — 208 s.

5. Sviridenko O. M. Institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v sisteme grazhdanskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. — 2011. — № 1. — S. 39–46.
6. Titov Yu. P. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii. — M. : Prospekt, 2005. — 463 s.
7. Tihomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. — 444 s.
8. Tomsinov V. A. Sudebniki 1497 i 1550 godov kak pamyatniki yurisprudencii Moskovskogo gosudarstva // Problemy istorii gosudarstva i prava : sbornik nauchnyh trudov / pod red. V. A. Tomsinova. — M. : Zercalo-M, 2009. — 287 s.
9. Ustryalov F. N. Issledovanie Pskovskoj sudnoj gramoty 1467 goda. — SPb. : Tipografiya Apollona Fridrihsona, 1855. — 192 s.
10. Fedorov A. F. Veksel'noe pravo. S prilozheniem vysochajshe utverzhdenogo 27 maya 1902 goda Ustava o vekselyah. — Odessa, 1906. — 721 s.
11. Fedorov A. F. Istoriya vekselya: istoriko-yuridicheskoe issledovanie. — Odessa : Tipografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1895. — 107 s.
12. Yushkov S. V. Russkaya Pravda: proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie : nauch.-prakt. posobie. — M. : Zercalo-M, 2002. — 378 s.